

**ИЗ ЗАБЫТОГО АВАНГАРДА:
ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ СТИХОТВОРЕНИИ
И. А. АКСЕНОВА
(АКРОСТИХ К. А. БОЛЬШАКОВУ)**

По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН

© 2016 г. А. Фарсетти

Университет Ка Фоскари, Венеция, Италия

Дата поступления статьи: 02 августа 2016 г.

Аннотация: В статье впервые публикуется стихотворение-акrostих авангардиста И. А. Аксенова, найденное в фонде ВССП (ОР ИМЛИ РАН). Стихотворение, датированное 1918 г., представляет собой необычный образец русской авангардной поэзии, в котором узнаются изысканные механизмы формирования смысла. Стихотворение было вписано в контекст творчества Аксенова и его биографию (дружба с поэтом К. А. Большаковым, которому стихотворение посвящено, и их участие в литературно-художественном кружке «Вторники» С. Г. Кара-Мурзы). Была выделена основная структура акrostиха и выявлены главные лингвистические приемы и интертекстуальные связи. Акrostих оказывается тематически тесно связанным с двумя стихотворениями Аксенова и Большакова, которые впоследствии были написаны ими в один день в доме Кара-Мурзы. Все эти три текста отражают кошмар Гражданской войны («Красный террор» осенью 1918 г.), но содержат и выражение надежды на возвращение нормальной жизни, основанное на сохранении человеческого взаимопонимания между единомышленниками. Помимо этого, показываются некоторые возможные взаимосвязи стихотворной техники Большакова и Аксенова, позволяющие лучше осознать особенности этих малоизученных представителей русского авангарда.

Ключевые слова: акrostих, И. А. Аксенов, К. А. Большаков, С. Г. Кара-Мурза, Красный террор.

Информация об авторе: Алессандро Фарсетти — PhD, доцент, Отделение Славистики факультета сравнительного литературоведения, Университет Ка Фоскари, Венеция, Dorsoduro 3246–30123 Venezia (Италия). E-mail: alessandrofarsetti@unive.it

**FROM THE FORGOTTEN RUSSIAN AVANT-GARDE:
AN UNKNOWN ACROSTIC BY I. A. AKSENOV
DEDICATED TO K. A. BOL'SHAKOV
(On IWL RAS Archive Materials)**

Alessandro Farsetti

Ca' Foscari University of Venice, Italy

Received: August 02, 2016

Abstract: This is the first publication of a hitherto unknown acrostic by an avant-garde poet, I. A. Aksenov. The poem was found in the archive of the Russian Union of Soviet Writers (VSSP) in the Manuscript Section of the Institute of World Literature (IWL). This poem dated 1918 is a complex example of Russian avant-garde poetry demonstrating subtle mechanisms of meaning-making. The essay places the poem within the context of Aksenov's work and relates it to his biography (cf. his friendship with a poet, K. A. Bol'shakov, to whom the poem was dedicated and the participation of both in S. G. Kara-Murza's literary circle "Tuesdays"). It outlines the basic structure of the acrostic, reveals its main linguistic devices and intertextual connections. The analysis shows that the acrostic was thematically connected with two poems Aksenov and Bol'shakov wrote later the same day at Kara-Murza's house. All the three texts capture the incubus of the Civil war (more precisely, the so called «Red terror» in the Fall of 1918) but also express hope for the return of the normal life, relying on friendship of like-minded people. In addition to this, the essay reveals possible interrelation between poetic techniques of Bol'shakov and Aksenov; this will enable us to better understand the specificity of these two understudied representatives of Russian avant-garde.

Keywords: acrostic, I. A. Aksenov, K. A. Bol'shakov, S. G. Kara-Murza, Red terror.

Information about the author: Alessandro Farsetti, PhD in Slavic Studies, Lecturer, Faculty of Languages and Literatures of Eastern Europe, Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies, Ca' Foscari University of Venice, Dorsoduro 3246–30123 Venice (Italy). E-mail: alessandrofarsetti@unive.it

Летом 2012 г. в Москве я занимался поиском в Москве новых документов творчества малоизвестного футуриста И. А. Аксенова, о поэзии которого я тогда писал диссертацию [11]. Надо сказать, что большой вклад в изучение литературного наследия и разыскание забытых текстов Аксенова внесла Н. Л. Адаскина; результаты ее многолетних поисков недавно были представлены в первом собрании сочинений Аксенова [5, 6]. Однако далеко не все архивные материалы, связанные с Аксеновым, были введены в научный оборот: в ОР ИМЛИ исследовательница, видимо, не работала, а именно здесь мне удалось найти интереснейшие документы, например,

информацию о проекте его третьей книги стихов «Оды и танцы» и некоторые стихи из этого произведения¹; этим находкам я недавно посвятил свою статью [10]. В настоящей работе речь пойдет о другой находке в ОР ИМЛИ, связанной с именем Аксенова: в фонде Всероссийского союза советских писателей (ВССП) хранится акростих, посвященный К. А. Большакову². Ниже я привожу этот текст³:

К раткіе дниосени шелестящей
О свѣщающіе шпиль Павлова дворца
Н е налагають дани мстящей
С тиховному доломану пѣвца.
Т акъ гудить дымчатая перестройка
А льтами, переламывающимися жизни,
Н а уже отпированной тризнѣ
Т емами, какихъ не зналъ ни одинъ шапирографъ.
И сключенія нѣтъ, но площевые сольфеджи
Н арождаются въ скрипѣ и хрипотнѣ,
У поительнѣ зорь, благодаря надеждѣ
Б арокъ, струганныхъ по веснѣ.

О пять зелень
Л яжеть на золотѣ газоновъ и дал
Б ытащеть своего кинжала вороненую

Ш ирокихъ недѣль
А лмазно искряную стал .
К акіе ритмы, разрѣзы и какихъ
О, какихъ саше духи
В асьпонесуть на своихъ
У легченныхъ парахъ - духи.

Машинопись снабжена посвящением, выполненным рукой Аксенова, его подписью, датой и указанием места написания (23 октября 1918 г., Москва). Эта находка вызывает некоторые вопросы, связанные как с текстологией, так и с творческой биографией Аксенова и с его поэтикой. Я постараюсь, по мере возможности, ответить на них.

Об отношениях Аксенова и Большакова можно рассказать подробно. Во второй половине 1910-х гг. они находились в некой «твор-

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 8.

² ОР ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 270.

³ Текст публикуется по авторизованной машинописи, без исправления опечаток; во всех случаях сохранялась орфография оригинала.

ческой близости». После того как юный Константин Большаков (1895–1938) ненадолго примкнул к московской футуристической группировке «Мезонин поэзии» (под маркой которой в 1913 г. вышел сборник «Сердце в перчатке»), он все чаще участвовал в изданиях Центрифуги и близкой к ней Петы: в 1916 г. в них вышли его книги стихов «Солнце на излете», «Королева мод» и «Поэма событий» [8]⁴. В отличие от Большакова, военный инженер Иван Аксенов (1884–1935) относительно поздно решил стать литератором: в 1916 г., пока воевал на западном фронте, он заочно примкнул к Центрифуге через частую переписку с лидером группы С. П. Бобровым. Аксенов сразу стал одной из основных фигур Центрифуги, подробно обсудил с Бобровым издательские планы и литературную ориентацию группы. Он участвовал в финансировании публикации: на его деньги вышли, между прочим, сборник Б. Л. Пастернака «Поверх барьеров» (1916) и его собственные книги: «Неуважительные основания» (стихи, 1916), «Елисаветинцы» (переводы английских драм XVII в., 1916), «Пикассо и окрестности» (эссе, 1917) и «Коринфяне» (трагедия, 1918).

В письмах Боброву встречаются суждения Аксенова о творчестве Большакова и намеки на развитие их личных отношений. Стихи Большакова, опубликованные во «Втором сборнике Центрифуги» в 1916 г., Аксенов принял холодно [5, с. 70], но в том же году он высоко оценивает «Поэму событий»: «Спасибо большое за “Поэму событий” — это прекрасная вещь, кроме посвящения П, которое в пору пошляку Кузьмину. Поэма заставила меня пересмотреть свое отношение к ее автору, определившееся после неприятных вещей Петы, я перечитал Ц. Ф. Г. и вижу, что весна, лето (очень) и зима хороши, и за них можно простить автопортрет, осень и не читать самоубийцу с проклятым проглоченным аршином неподвижной женской цезуры (постылой памяти В. Гофмана): “это искупление это неизбежно»» [5, с. 71]. Сразу после этого Аксенов предложил финансировать «Солнце на излете» [5, с. 74], а в 1918 г. посвятил Большакову еще одно, помимо вышеприведенного, стихотворение — «Эйфелея XXVIII» (дата не указана, но текст — один из последних неопубликованной при жизни Аксенова книги стихов «Эйфелея», которую он закончил в 1918 г. [6, с. 142]). Единственный человек, которому он посвятил стихи, был Бобров («Эйфелея XVIII» и «Изменчиво» [6, с. 133, 146]): это особенно интересно, если иметь в виду, что он в целом считал Большакова менее одаренным среди товарищей по Центрифуге, таких как Н. Н. Асеев и

⁴ До сегодняшнего дня творчеству Большакова специалисты по авангарду почти не уделяли внимание.

Бобров [5, с. 77, 98]. Поэтому появление посвящения объясняется возникшими хорошими личными отношениями между Аксеновым и Большаковым.

Что известно об этих отношениях? Акростих датирован 23 октября 1918 г.: по всей вероятности, первая встреча двух поэтов произошла незадолго до этого периода.

С июля до октября 1918 г., после войны, Аксенов бывал в Петрограде, где читал лекции в Военно-инженерной академии. В это время он входит в редколлегию литературно-политического еженедельного журнала «Вестник красноармейца» и с сентября работает в Публичной библиотеке над проблемами искусства (особенно английской драматургии шекспировской эпохи [1, с. 324]). В недатированном письме Аксенова, полученном Бобровым 8 сентября 1918 г., на обороте есть запись: «Просьба большая: у Вас остались мои свечи — вручите <так в тексте> их, пожалуйста, К. А. Б. для меня» [5, с. 153]. Как справедливо полагает Н. Л. Адаскина, Большаков, который в тот период работал в московской газете «Жизнь»⁵, должен был поехать в Петроград по каким-то делам [2, с. 549]. Подтверждением этой гипотезы служит письмо Боброву от 15 сентября 1918, в начале которого Аксенов пишет: «Был ли у Вас Костя? он должен был вернуться “по возможности сегодня”, но, ясное дело, опоздает» [5, с. 153]. Видимо, Большаков бывал в Петрограде в начале сентября и уже до 15 вернулся в Москву и должен был зайти к Боброву. Здесь, по-моему, важно заметить разницу в двух письмах в упоминании Большакова: безличное «К. А. Б.» (а до этого в письмах Боброву Аксенов называл его просто по фамилии) заменено наиболее дружеским «Костей». Можно предположить, что в Петрограде они увиделись впервые, а до того обменялись рядом писем, чтобы договориться о встрече. Правда, документы, подтверждающие эту переписку, неизвестны; неизвестно и мнение Большакова об Аксенове. Единственно, что не вызывает сомнения, — Аксенов уважал Большакова как поэта и как человека и оставил тому подтверждение.

Впоследствии Большаков и Аксенов встречались по крайней мере еще раз, 29 ноября 1918 г., когда вместе бывали в литературном салоне «Вторники» на квартире театрального критика С. Г. Кара-Мурзы [3]. Об их одновременном присутствии свидетельствуют стихотворения, которые оба поэта записали в альбоме Кара-Мурзы в этот день. Вот текст Аксенова⁶:

Стакан освещен без блика
Рюмка и алый ликер

⁵ РГАЛИ. Ф. 1675. Оп. 1. Л. 5–6.

⁶ ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 3202. С. 11.

И кругом заплелась повилика
Разных болтовни и вер
Но разве понедельники, пятницы,
И вообще недели не сон
Почтительного товарища Пятницы,
Когда его изловил Робинзон?
Так на обитаемом острове
Среди необитаемых дней
Мы состязаемся тостами
У непогасших огней
Центра всего вдохновения
Неугасающих глаз костра
И, запалом Ньютонова тяготенья
Крепла наша Москва.
Пусть образцово свирепствует
Киевский пылесос
Мы здесь, в невидимой крепости,
Где умер всякий «вопрос»

Главной чертой этих легких, но и отчасти загадочных стихов можно считать радостное бегство от жестокой действительности в общество веселых единомышленников. В подобном тоне выдержано и стихотворение Большакова, написанное на предыдущей странице альбома⁷:

Было просто. Все очень просто.
Нам не казался чудом ликёр.
И вот, выше звезды мгновенного роста
В осенней ночи возникшего вижу взор.
Им ли, даже теперь, возможно измерить
Бездну падения, — <неразб.: белый?> и коммунистов бурь,
И создавая трехмиллионную армию можно верить
В ту, влюбленных и нежных лазурь,
И даже в то, что может быть просто,
Даже проще, чем этот гостеприимный чай,
Падающая звезда мгновенным ростом
Ростом в осенней ночи, скажет: «загадай».
«Загадай» — Будет как будет
Ликер кажется чудом, и дня <неразб.: упорней?>
Будет спокойно, и эти милые люди
Раскроют двери в гостеприимный вторник.

⁷ Там же. С. 10.

Здесь еще более отчетливо появилось представление о квартире Кара-Мурзы как об убежище, где можно верить в существование иного быта, домашнего, тихого, спокойного, противостоящего ужасу Гражданской войны. Это вдвойне интересно, потому что именно в те годы и Большаков, и Аксенов принимают активное участие в революционных действиях: первый служит в Красной Армии, а второй в 1917 г. стал членом Ревкома румынского фронта и в 1919 г. будет работать в Центральной комиссии по борьбе с дезертирством [1, с. 324–325].

По мнению Адаскиной, 29 ноября 1918 г. Аксенов впервые посетил «Вторники», но не исключено, что он бывал там и немного раньше. До того как я нашел акrostих Большакову, не было ясным, когда Аксенов переехал в Москву из Петрограда: судя по указанию в конце машинописи его упомянутой книги «Эйфелеи» [6, с. 145], в октябре 1918 г. он еще находился в бывшей столице, и первые по времени данные о его пребывании в Москве представляла собой именно упомянутая информация о посещении «Вторников» в конце ноября. Итак, эта находка позволяет уточнить одно обстоятельство в жизни Аксенова: согласно дате акrostиха, во второй половине октября он уже был в Москве и вскоре начал активно участвовать в литературной жизни города.

Аксенов посещал и впоследствии дом Кара-Мурзы, и там он, возможно, снова встречал Большакова. К сожалению, о дальнейших отношениях двух поэтов ничего неизвестно: видимо, их творческие и жизненные дороги разошлись. Большаков перешел к художественной прозе, в которой он отразил свой военный опыт; в годы Сталинского террора его арестовали и расстреляли 21 апреля 1938 г. в числе других писателей, среди которых был и Борис Пильняк. Аксенов примыкал к конструктивизму, сотрудничал с Мейерхольдом, возглавлял Московский союз поэтов, но постепенно отдалялся от поэзии и от бывших литературных «соратников» (начиная с Боброва); в тридцатые годы он нашел себе убежище от становившейся все более опасной действительности в шекспироведении и умер собственной смертью в 1935 г. до начала Большой чистки 1937–1938 гг.

Теперь перейду к самому тексту стихотворения. Оно свидетельствует об уже упомянутом сходстве в настроении двух поэтов в конце 1910-х гг. и о возможной близости их литературных систем.

Прежде всего надо заметить, что, хотя город Москва приведен в качестве места написания, в содержании узнается намек на петроградские реалии, очевидно, в связи с недавним пребыванием автора в этом городе. Речь идет о «Павловом дворце» (стр. 2), который по всей вероятности отсылает к Михайловскому замку, где был убит Павел I: во-первых у него есть очень узнаваемая колокольня со шпилем (см. стр. 2); во-вторых, там находилось инженерное училище, в котором

Аксенов читал лекции в 1918 г., как я указал выше. Здесь же он и учился в 1900–1905 гг., тогда оно называлось Николаевское Инженерное училище.

Основная структура текста очень проста: осенние образы настоящего (стр. 1–12/13) противопоставлены образам будущей весны (стр. 12/13–21): очевиден контраст между короткими днями (стр. 1) и длинными неделями весны (стр. 16). Обращает на себя внимание преобладание отрицательных образов в первой части, непосредственно связанных с Гражданской войной; на осень 1918 г. приходится расцвет Красного террора в Петрограде, когда сотни людей были расстреляны по обвинению в контрреволюционной деятельности [9]: так можно интерпретировать выражение «дымчатая перестройка» (стр. 5) и уже почти прямой намек на крики убитых («Альтами, переламывающимися жизни», стр. 6). Царит атмосфера смерти (тризна, скрип, хрип, см.: стр. 7, 10), которую газеты (шапирограф — метонимия) не передают (стр. 8) и которая, к счастью, не трогает поэта (опять метонимия — поэт заменен своими стихами: «Краткіе дни... / не налагають дани мстящей / Стиховному доломану пѣвца», стр. 1, 3–4; обратим внимание, что в военной атмосфере тревоги и падения даже стихи представлены в виде офицерского мундира). Но уже появляется надежда на весну, т. е. на возрождение после страдания сегодняшнего дня («...но плющевые сольфеджи / Нарождаются въ скрипѣ... / Упоительнѣе зорь...», стр. 9–11). Вторая, «весенняя» часть стихотворения представляет положительные образы: зеленые луга, алмазный вид кинжала, приятные ритмы, благоуханные запахи⁸. Иными словами, создается обычная метафорическая ситуация, в которой противоположные характеристики двух периодов соответствуют чередованию сезонов⁹: ужасный быт Революции и падения, осень

⁸ В последней строке, возможно, опечатка: «О, какихъ саше духи / Васъ < >понесть на своихъ / Улегченныхъ парахъ - духи» (стр. 19–21). Маловероятно не только тождественная рифма духи — духи, но и слово духи в именительном падеже в контексте последней строки. Правильный вариант — душа в родительном падеже, однако создается совершенно понятный метафорический образ улегченные пары души и рифма души — души.

⁹ См., например, несомненно близкий к знатоку Шекспира, каким был Аксенов, знаменитый начальный монолог из «Ричарда III» (перевод А. В. Дружинина) с оппозицией зима/лето, тучи/солнце, веселье/бой, военный марш/нежная песня:

Прошла зима междуособий наших;
Под Йоркским солнцем лето расцвело,
И тучи все, нависшие над нами,
В пучине океана погреблись.
Свое чело мы лавром увенчали,
Сложили прочь избитые доспехи,
Весельем заменили грозный бой,
А звуки труб — напевом песни нежной.

русской Истории, кончатся, как кончаются времена года, и наступит цветущая весна человечества.

А какое отношение может иметь этот текст к Большакову? Во-первых, главная мысль произведения о тяжелой реальности и надежде на ее преодоление предвосхищает идею стихов Аксенова и Большакова в альбоме «Вторников» и, вероятно, является их источником, так как трудно поверить, что Аксенов не показал Большакову стихи, ему посвященные. Во-вторых, это сходство в стиле письма. Использование необычной специализированной лексики (см. особенно типографический «шапирограф», музыкальные «альты» и «сольфеджи», ароматизированную подушечку «сашё», «вороненую стал<ь>», «струганые барки») сближает Аксенова и Большакова. Менее характерной для Аксенова является тема времен года, которой он отдает дань творчеству Большакова (недаром стихи ему посвящены). Именно осень и весна являются лейтмотивами в стихах Большакова; об этом можно судить уже по заголовкам: «Вернисаж осени», «Городская весна» (из «Сердца в перчатке», 1913), «Осененочь», «Осень годов» (из «Первого журнала русских футуристов», 1914), «Осень» (из «Второго сборника центрифуги», 1916). См. также замечательный «Атлант» («аграмматический сонет» доброй памяти Малларме, из «Петы», 1916).

В связи с проблемой влияния Большакова на Аксенова укажу еще на одно возможное заимствование, которое не касается этого текста: синтаксическая и семантическая структура начала «Главы III» из любимой Аксеновым книги Большакова «Поэма событий» 1916 г. очень сильно напоминает «Эйфелею II», которую Аксенов написал в тот самый период. Сравним текст Большакова [7, с. 9]:

Как Прекрасной Даме дни
Посвящали поэты и любовники,
Тебе рожденной в ликующем пламени
В багряных ранах, как куст шиповника,
Тебе одной — газетную истину
Поворачивая, как кули на кранах,
Где-то в южных морях затерянной пристани
Слепящимся глазом на брызжущих ранах
В громаде черной глухой бессонницы
Ты разрубила дыханье артерий
Разящим летом гремящей конницы
Громовым кашлем артиллерии,
Над телом Польи и Бельгии элегию вымыслов
Одела в лохмотья газетных сенсаций
И за земною осью вынесла
Вращенье судеб двенадцати наций...

Замечается противопоставление старых тем у поэтов современным реалиям. У Большакова встречается блоковская «Прекрасная дама», у Аксенова — пушкинская Раевская и дантовская Беатриче; у Большакова в качестве новой темы поэзии представляется газетная хроника войны, у Аксенова — Эйфелева башня [4, с. 1–2]:

Как Пушкин был верен М. Н. Раевской,
На пространстве пятнадцать лет,
Как Дант между парой штанов и курток детских
В сундуке терял решетки своих терцет
О несущественной Портинари,
Чтоб она проводила в рай,
Так Ты на планетном пожаре
Оду мне наиграй.
Ты будешь струнами странствия,
Ты стонешь огня смычком,
Ты станешь ароматом пространственным
Ты будишь сна вином.

Думаю, что эти беглые замечания могут стать толчком для дальнейших исследований над взаимосвязями этих двух представителей русского авангарда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адашкина Н.Л.* Даты и факты жизни И. А. Аксенова // *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. М.: РА, 2008. Т. II. С. 321–335.
- 2 *Адашкина Н.Л.* Комментарии // *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. М.: РА, 2008. Т. I. С. 486–638.
- 3 *Адашкина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения 2012. Материалы отчетной научной конференции. М.: ГТГ, 2013. С. 151–176.
- 4 *Аксенов И.А.* Эйфелеи. Историческая библиотека — Отдел редких книг. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3545-aksenov-i-a-eyfelei-pg-1918#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 20.07.2016).
- 5 *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: в 2 т. М.: РА, 2008. Т. 1. 639 с.
- 6 *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: в 2 т. М.: РА, 2008. Т. 2. 462 с.
- 7 *Большаков К.А.* Поэма событий. М.: Центрифуга, 1916. 16 с.
- 8 *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 308–309.
- 9 *Иоффе В.В.* Первая кровь // Звезда. 1997. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/8/ioff.html> (дата обращения: 20.07.2016).
- 10 *Фарсетти А.* Неизвестная книга стихов Ивана Аксенова «Оды и танцы»: попытка реконструкции // Текстология и историко-литературный процесс:

III международная конференция молодых исследователей: сб. ст. М.: Лидер, 2015. С. 116–124.

11 Farsetti A. *La poesia di Ivan Aksenov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione: кандидатская диссертация*. Venezia, 2014. 337 с.

REFERENCES

1 Adaskina N. L. Daty i fakty zhizni I. A. Aksenova [Dates and facts of I. A. Aksenov's life]. Aksenov I. A. *Iz tvorcheskogo naslediiia* [From his literary heritage]. Moscow, RA Publ., 2008, vol. II, pp. 321–335. (In Russ.)

2 Adaskina N. L. Kommentarii [Commentary]. Aksenov I. A. *Iz tvorcheskogo naslediiia* [From his literary heritage]. Moscow, RA Publ., 2008, vol. I, pp. 486–638. (In Russ.)

3 Adaskina N. L. Sodruzhestvo muz. Literaturno-khudozhestvennyi kruzhok Kara-Murzy [A family of muses. Kara-Murza's literary circle]. *Tret'iakovskie chteniia 2012. Materialy otchetnoi nauchnoi konferentsii* [Tret'iakov lectures 2012. Conference proceedings]. Moscow, GTG Publ., 2013, pp. 151–176. (In Russ.)

4 Aksenov I. A. *Eifelei* [Odes to the Tour Eiffel]. *Istoricheskaia biblioteka – Otdel redkikh knig* [Russian public history library – Rare books department]. Available at: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3545-aksenov-i-a-eyfelei-pg-1918#page/1/mode/grid/zoom/1> (Accessed 20 July 2016). (In Russ.)

5 Aksenov I. A. *Iz tvorcheskogo naslediiia v dvukh tomakh*. [From artistic heritage in 2 vol.] Moscow, RA Publ., 2008. Vol. 1. 639 p. (In Russ.)

6 Aksenov I. A. *Iz tvorcheskogo naslediiia v dvukh tomakh*. Moscow, RA Publ., 2008. Vol. 2. 462 p. [From artistic heritage in 2 vol.] (In Russ.)

7 Bol'shakov K. A. *Poema sobytii* [The poem of events]. Moscow, Tsentrifuga Publ., 1916. 16 p. (In Russ.)

8 Gel'perin Iu. M. *Bol'shakov Konstantin Aristarkhovich. Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers, 1800-1917. A biographical dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 308–309. (In Russ.)

9 Ioffe V. V. *Pervaia krov'* [The first blood]. *Zvezda* [Star], 1997, no 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/8/ioff.html> (Accessed 20 July 2016). (In Russ.)

10 Farsetti A. *Neizvestnaia kniga stikhov Ivana Aksenova «Ody i tantsy»: popytka rekonstruktsii* [The unknown book of verse by Aksenov “Odes and dances”: an attempt of reconstruction]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: III mezhdunarodnaia konferentsiia molodykh issledovatelei. Sbornik statei*. [Textology and historical-literary process: III international conference of young researchers. Conference proceedings]. Moscow, Lider Publ., 2015, pp. 116–124.

11 Farsetti A. *La poesia di Ivan Aksenov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione* [The poetry of Ivan Aksenov (1914–1921) in Russian avant-garde culture: an interpretation]; *kandidatskaia dissertatsiia* [PhD thesis]. Venezia, 2014. 337 p.